

Human Rights Monitoring and Reporting: 11 Scenarios for Extra-Curricula Training

Name of organisation: Youth Center of Human Rights and Legal Culture

С. Дьячкова

Штаркланд, сценка 1 (день 1) Насилие при задержании, нарушения процессуальных прав

При задержании (не аресте) героя, заподозренного в преступлении (соучастии в убийстве)

1. необоснованно была применена сила (вначале, при задержании, когда герой фактически не сопротивлялся, затем в участке, когда его заставили стоять в неудобной позе просто для того, чтобы сломить его и сделать более сговорчивым),
2. офицер, производивший задержание, не соблюдал необходимую процедуру (не представился, не сказал, что происходит)
3. ему не сказали, почему его задержали и каков его статус (подозреваемый, арестованный)
4. протокол задержания и обыска был составлен не сразу, а спустя четырнадцать часов (норма – 3 часа), протокол пытались подделать.
5. его не привели к судье, чтобы подтвердить законность задержания
6. ему не дали позвонить и сообщить о его задержании родным,
7. к нему не позвали защитника
8. его продержали в участке больше максимального срока предварительного заключения (норма 24 часа (или 36 часов), его держали 48 часов)

Примерный монолог

(можно менять стиль изложения, но нельзя менять содержание, все детали очень важны):

Меня зовут Петер Хайн (Рита Науманн) Я решил обратиться к Вам вот по какому поводу. В марте у меня случилось несчастье, один из моих друзей – N, был убит. И дело с этим связано. 12 апреля, где-то около пяти вечера, я шел по своей улице к дому, ко мне подошел полицейский и попросил предъявить документы. Я был несколько шокирован – я же ничего не нарушал и спросил его, зачем ему мои документы. Он потребовал их еще раз, довольно резко. Сказал, что это не мое дело, все граждане должны подчиняться полиции. Я разозлился и также резко ему ответил, что не собираюсь давать документы, если не понимаю зачем, я законопослушный налогоплательщик и содержу его на свои налоги, пусть он хотя бы вежливо разговаривает. Тогда он, совершенно неожиданно, схватил свою дубинку и стукнул меня в живот, прямо в солнечное сплетение. Я согнулся – боль жуткая, даже, наверное, на секунду потерял сознание, а он ударил меня под колени и повалил на землю. Потом навалился сверху, надел на меня наручники и стал вызывать машину по рации. И, знаете, сказал еще: «Приезжайте, я его задержал». Я, правда, плохо помню, что он говорил – я был в жутком состоянии.

Приехала машина, меня привезли в участок. Отобрали мою сумку, меня самого обыскали – взяли документы и кошелек – у меня в карманах ничего больше не было. И говорят, что скоро придет старший офицер. А я его должен подождать. Сняли с меня наручники, велели сцепить ладони за шеей и встать лицом к стене, широко раздвинув ноги. Знаете, так очень тяжело стоять. Я пытался потребовать, чтобы мне объяснили, что происходит, но слабо. Я еще не пришел в себя после того удара, но они кричали на меня, чтобы я замолчал. И когда я пытался пошевелиться и встать поудобнее, тоже кричали. Я так и стоял. Не знаю, как долго.

Я уже очень устал и почти падал, когда наконец пришел старший офицер. Они о чем-то все вчетвером поговорили и тот, что задержал меня, приказал идти за ним. Я попытался опять спросить в чем дело, но он толкнул меня в спину, к двери. Я слишком устал, чтобы спорить. Я теперь понимаю, надо было пытаться что-то говорить, но я тогда был слишком потрясен и даже напуган. Меня привели в камеру и закрыли там. Потом принесли еду. Я поел и заснул. Утром меня опять накормили и привели в какую-то комнату. Там сидел вчерашний старший офицер. Он стал задавать мне вопросы, прямо будто бы я убийца. Стали спрашивать, почему я помог убить N, ссорились ли мы, как я это сделал – я уже не помню точно всех вопросов. Я говорил, что это ерунда, N – мой друг, я не убивал его и не помогал никому его убить. Тот говорит: «А Редер показал на вас, сказал вы ему помогали». Я спросил, а что вообще происходит? Я кто, обвиняемый в убийстве, пособник? Тогда офицер достал какие-то бумаги и говорит: «Вот тут подпишите» Я смотрю – это протокол задержания по подозрению в совершении преступления. Кажется так. Там стоит вчерашнее число. Я вспомнил передачу «Советы адвоката» и написал: «Я подписываю этот протокол 23 апреля». Тогда офицер стал говорить, что в моих интересах все быстрее рассказать. Как только я признаюсь в соучастии, меня тут же отпустят под подписку о невыезде. А если не сознаюсь, будут держать еще. Я говорю – нет. Тогда он стал кричать на меня, что я убийца, и не даю работать полиции. Говорит:

«Подпишите и это тоже.» Я прочитал, это был протокол допроса, там вроде бы все правильно написано и подписал. Офицер вызвал одного из вчерашних полицейских и тот отвел меня в камеру.

Второй раз меня вызвали уже вечером. Все было также, как и утром – на меня кричали и требовали, чтобы я сознался в соучастии в убийстве. Говорили, что будут держать, пока не сознаюсь, а если сознаюсь, тут же выпустят. Я очень устал от всего этого, но это было чудовищно – признаться в убийстве и я говорил: «Нет».

Меня опять отправили в камеру, утром опять вызвали, опять все тоже, а вечером пришел какой-то новый служащий, вывел меня, отдал сумку, документы и кошелек и отпустил. Так ничего и не сказал.

Монолог окончен. Дальше играющие начнут задавать вопросы. Вот примерные вопросы и ответы.

Обращался ли герой в суд (орган, контролирующий работу полиции)? – да, герой подал жалобу, его дело приняли к рассмотрению, передали в полицию и объявили служебное расследование. Это расследование продолжается уже семь месяцев, героя вызывали в полицию для дачи показаний только один раз, в самом начале. Расспрашивали очень мало, офицер, бравший показания выглядел незаинтересованным и даже, как будто, подозревающим, что герой все это сам придумал

Номер отделения? – г. Нойштадт, отделение 15/43.

Остались ли у него следы от удара на теле? – да, синяк, он взял справку у врача, подтверждающую это.

Как вел себя полицейский вначале – полицейский не представился и кроме требования предъявить документы ни о чем больше не сказал

Присутствовали ли при этом свидетели? – да, в частности, соседка героя, госпожа Ирма Холланд

Взяли ли у нее показания в ходе следствия? – нет, хотя герой упоминал ее

Сколько человек было в участке сначала? – трое. Тот, кто привез героя, и еще двое младших офицеров. Они не обращались друг к другу по именам.

Кто всем руководил вначале? – один из младших офицеров, который был в участке. Герой не знает его звания. Он был высоким, светловолосым, в очках. Второй – пониже, темноволосый. Третий (задержавший его) – среднего роста (как второй), с усами, волосы русые.

Старший офицер? – герой не знает его звания. Крепко сбитый, невысокий, волосы короткие, черные.

Составляли ли протокол обыска? – нет

Пропали ли какие-нибудь вещи, деньги? – нет

Возможные действия играющих:

1. Проанализировать сценку с точки зрения нарушения прав задержанного – для этого они берут «Закон о полиции», Конституцию и «Пакт о гражданских и политических правах».
2. Обратиться в полицию. Играющих отсылают в отделение полиции 15/43, где идет служебное расследование. С ними соглашается встретиться начальника отделения, который говорит примерно следующее: «Да, иногда встречаются недобросовестные полицейские, которые применяют силу чаще, чем нужно. И не всегда соблюдают все тонкости процедуры. Но вы же видите, в каких условиях мы работаем – преступники наглеют, всеобщая распущенность нравов, люди себе очень много позволяют. Наши сотрудники работают на износ. Иногда надо прижать преступника, только тогда можно его вывести на чистую воду. Но мы всячески боремся с нарушениями. А по этому делу.... Да, некоторые факты подтвердились, а некоторые факты нет. Не спрашивайте больше – это же тайна следствия. Следствие идет слишком долго? Да, мы немного затянули, но вы же видите, как много у нас дел. Тут бы настоящих преступников поймать. Кстати, задерживая подозреваемого, наш сотрудник действовал совершенно законно, согласно нашей инструкции. Но вам я ее выдать не могу, она для внутреннего пользования.»
3. Приложив усилия, играющие могут получить «Инструкцию по задержанию подозреваемых в совершении преступлений» полиции Штаркланда («правительственная группа» должна подать официальный запрос в Министерство внутренних дел (играющие должны сообразить, что примерно нужно сделать, чтобы получить этот официальный документ), «правозащитная группа» также может подать запрос, но им ее не выдадут, тогда они могут «купить» ее, (к ним приходит некто, кстати, это уже третья роль, из Министерства внутренних дел, который видел их запрос, видел отказ и теперь предлагает уступить эту инструкцию за деньги). Проанализировав ее, играющие могут обнаружить, что она противоречит «Закону о полиции», Конституции и Пакту.
4. **ПО ИХ ТРЕБОВАНИЮ**, и только когда играющие выявили нарушения, им можно предоставить:
 - Дополнительные сообщения из разных городов страны о подобных случаях
 - парадный отчет МВД о таких нарушениях и борьбе с ними
 - результаты мониторингов разных правозащитных организаций по применению силы, нарушениям процедуры задержания, отказам предоставить телефон и вызвать защитника (эти материалы будут в специальной папке)

Итак, в сценке три роли:

- Пострадавший
- Начальник отделения полиции 15/43
- Сотрудник министерства внутренних дел, продающий инструкцию

Штаркланд, сценка 2 (день 2, утро) Пытки и жесткое и бесчеловечное обращение (физические и нравственные страдания)

Героя сценки, обвиняемого в торговле наркотиками

- Подвергли жестокому и бесчеловечному обращению, причиняя ему физические и нравственные страдания с целью получить у него показания
- он не мог ознакомиться с имеющимися против него показаниями
- когда ему все-таки предоставили материалы дела, времени у него было недостаточно для их изучения
- Расследование по использованию пытки проводилось не достаточно тщательно

Примерный монолог

(можно менять стиль изложения, но нельзя менять содержание, все детали очень важны):

Здравствуйте, я бы хотел подать вам заявление по моему делу. Я, вообще-то не знаю, куда мне еще можно обратиться. Я уж все прошел и в суде был, только мне там так и не помогли. Меня зовут Пауль Кабунке (Ева Хессе). Был у меня грех: я подторговывал наркотиками – так по мелочи, я сам курил марихуану, ну и чтобы заработать для себя, немного продавал другим. Покупателя на такое дело легко найти. Теперь-то уже с этим все. Я и в тюрьме отсидел, сколько положено – два года. Но я хочу рассказать, что со мной было во время следствия.

Меня взяли с небольшой дозой, обыскали, нашли товар, привезли в участок, потом в тюрьму. Ну, началось следствие, вначале, раз на допрос вызвали – спрашивали, кто я, откуда у меня марихуана, я все сказал. Во второй раз вызывают и говорят: «Ты нас обманул. Ты вовсе не у того покупал, о ком говорил. И не так мало. Тебе давали все бесплатно, и ты дальше распространял». Смотрю, они хотят так сделать, будто я член какой-то банды или сети. И должен знать еще много народу, и деньги будто-то бы получал очень большие. Я говорю: «Что вы, не было со мной такого». Тогда тот, что вел допрос, следовательно, говорит: «Все равно, все расскажешь». Он позвал еще двоих, и они начали меня бить, и кричали, что я гад, негодяй и похуже говорили. И что я убиваю людей своей «дурью», наркотиками, в смысле. Требовали, чтобы я во всем сознался и все рассказал, а не то моей сестре будет хуже. Я очень испугался, но я как-то плохо соображал и все молчал или просто кричал. Тогда следовательно сказал, чтоб они меня бросили, чтоб я встал на колени и поцеловал ему ботинки, а то они продолжают меня бить. Я встал. И поцеловал. И он говорит: «Или сейчас сознаешься, или мы тебя просто убьем и никто об этом не узнает. А мир от такого гада избавим.». Очень неприятно, плохо, про это вспоминать. Потом они говорят: «Ладно, не нужна нам твоя подпись. И так все будет, как надо.». Меня бросили в камеру, и сокамерник мой видел, в каком я был состоянии. Я говорил, что мне нужен врач, но они его ко мне привели только на пятый день, когда уже синяки почти все прошли. И адвоката моего тоже в это время ко мне не пускали. Я потом очень нервничал, никак не мог понять, какие там материалы против меня в деле. Но ни мне, ни адвокату не давали их посмотреть. По-моему, они все надеялись, что я подпишу еще что-то. Потом перед самым судом мне их дали на полчаса. А там была толстая папка – протоколы, экспертизы. Я половины просто не понял.

На суде, слава Богу, рассматривались только мои первые показания, уж не знаю как так вышло. Мне дали два года. Но я решил, что я так это не оставляю.

Когда я вышел, то подал заявление в суд, они завели дело, только ничего не вышло. Медицинское свидетельство было поздно получено. И сокамерника моего никто не допрашивал. Суд постановил, что моле нельзя установить, что это все имело место «вне всякого сомнения». Вроде что-то было, а может и не было. Так ничем все и закончилось.

Монолог окончен. Дальше играющие начнут задавать вопросы. Вот примерные вопросы и ответы.

Чего хочет Вы хотите? – справедливости, точнее герой затрудняется сказать, может еще «чтобы посадили тех гадов».

Когда все это было? – три года назад.

Вам сразу сказали, каков ваш статус, в чем вы обвиняетесь? – герой не очень хорошо помнит, потом он обвинялся в торговле наркотиками

Приводили ли его к судье для подтверждения законности задержания? – да, вроде приводили

Помните ли Вы как выглядели следовательно и те, кто вас били? – фамилия следователя точно известна, а тех, двоих, он тоже описал

Возможные действия играющих:

1. Проанализировать сценку с точки зрения нарушения прав обвиняемого – для этого они берут «Закон о полиции», Конституцию и «Пакт о гражданских и политических правах».
2. Обратиться в полицию или в суд, как после первой сценки. С ними соглашается встретиться судья, ведущий дело, который говорит общие слова о том, что доказать что все было «вне всякого сомнения» очень сложно, что нельзя бросать тень на невиновных людей. На вопрос о недостаточно

тщательном проведенном следствии можно сказать, что следствие было тщательным. Медицинских свидетельств недостаточно, а сокамерника истца не удалось найти. Исчез куда-то.

3. Понять, что определение пытки и жестокого и бесчеловечного обращения в Уголовном кодексе не соответствует международному определению (не включает в себя нравственные страдания)
4. Проанализировать другие случаи пыток и жестокого и т.д. обращения (материалы получаются с почтой).
5. Играющие могут подать запрос в Верховный суд (???) Штаркланда, осуществляющий конституционный надзор. С ними соглашается встретиться судья, который строит свою речь следующим образом: пытка и жестокое обращение – это нечто очень экстремальное. В отношениях с преступниками необходима твердость, даже жесткость. Но не жестокость. Никакие пытки испанской инквизиции, вырывание ногтей, электрошок недопустимы, конечно недопустимы. Судья должен ловко обходить проблемы запугивания и шантажа, на прямые вопросы вздыхать и говорить, что это ужасно, но необходимо.
6. **ПО ИХ ТРЕБОВАНИЮ**, и только когда играющие выявили нарушения, им можно предоставить:
 - Дополнительные сообщения из разных городов страны о подобных случаях
 - парадный отчет МВД о таких нарушениях и борьбе с ними
 - результаты мониторингов разных правозащитных организаций по пыткам и жесткому обращению, нарушениям процессуальных прав, затягиванию сроков следствия

(эти материалы будут в специальной папке)

Итак, в сценке три возможные роли:

- Пострадавший
- Судья дела о применении пыток
- Судья Верховного суда, оправдывающий несоответствие национального законодательства международному

Штаркланд, сценка 3 (день 2, после обеда) **Презумпция невиновности, превентивные аресты**

Героя сценки задерживают по подозрению в членстве в террористической организации
В соответствии с указом Президента по борьбе с терроризмом:

- Основания для его задержания были слишком широкие и неконкретные, фактически это был превентивный арест
- отсутствовал независимого судебного контроль над его задержанием
- его содержали под стражей 1,5 месяца без предъявления обвинения, почти ежедневно допрашивая
- он постоянно испытывал чувство недоумения, напряжение и страха
- он пропустил занятия и часть экзаменов в Университете и вынужден дополнительно заниматься самостоятельно и параллельно сдавать экзамены

Примерный монолог

(можно менять стиль изложения, но нельзя менять содержание, все детали очень важны):

Я, Юрген Хассе (Моника Кунце), я студент(-ка) Нойштадского Университета. Вы, наверное знаете... Да все теперь знают, что после последнего теракта у нас «закручивают гайки». И нам мне это, так сказать, отразилось.

Знаете, где я провел последние 1,5 месяца? В тюрьме. Думаете, я террорист? Нет. Или у меня знакомые в этом «Движении 3 августа» или как его там? Тоже нет. Тогда что я там делал? Меня допрашивали. Это они думают, что раз мне 21 год и я учусь в Университете, значит я точно террорист. И не я один. Еще пятеро моих знакомых с моего курса и с других факультетов.

Меня просто остановили на улице, привезли в тюрьму и продержали там полтора месяца. И допрашивали все время, знаю ли того-то, что я делал тогда-то, что я думаю о том-то.

Что происходит, кто я, почему я здесь мне так никто и не объяснил. Я думал, а меня, вообще, когда-нибудь выпустят? Ничего не ясно. Страшно, между прочем. Потом выпустили и даже справку в Университет выписали. И что я буду делать дальше? Я пропустил кучу занятий и три экзамена. Лабораторные нужно дополнительно делать и экзамены эти сдавать.

Это вообще было законно?

Монолог окончен. Дальше играющие начнут задавать вопросы. Вот примерные вопросы и ответы.

Герой считает, что с ним обошлись очень несправедливо.

Когда все это было? – 1,5 месяца назад, героя только что выпустили

Может ли кто-то подтвердить его отсутствие в течение 1,5 месяцев? – да, родные

Выдан ли ему официальный документ о том, где он был? – да, ему дали справку в Университет

Возможные действия играющих:

1. Проанализировать сценку с точки зрения нарушения прав пострадавшего – для этого они берут Указ президента по борьбе с терроризмом, «Закон о полиции», Конституцию, «Пакт о гражданских и политических правах». Выявить, какие именно права задержанного нарушает новый указ.
2. Решить для себя, оправданны ли эти нарушения. (Статья 4 Пакта о гражданских и политических правах во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой позволяет отступать и о наличии которого официально объявлено государство может отступать от своих обязательств, но только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения.) Для этого играющие узнают, было ли официальное заявление о чрезвычайном положении и отступлении от обязательств. Ратифицировал ли его Конгресс?

Итак:

- a. в самом ли деле в стране сложилась чрезвычайная ситуация, при которой жизнь нации находится под угрозой
 - b. Какими именно правами и почему можно пожертвовать
- Эти вопросы играющие должны обдумывать в течение этого и двух следующих дней.
3. Ознакомьтесь с фактами задержания других молодых людей – штаркландцев-студентов, недавних эмигрантов и мусульман.
 4. Играющие получают приглашение встретиться с экспертом Министерства внутренних дел, который объясняет необходимость введения таких мер (его речь будет содержать, во-первых, факты о террористических организациях, ширящихся террористических акциях, в общем, нагнетание атмосферы, а во-вторых, рассказ, как благородя задержанию и допросу этих молодых людей была выявлена новая террористическая сеть)
 5. **ПО ИХ ТРЕБОВАНИЮ**, и только когда играющие выявили нарушения, им можно предоставить:
 - Дополнительные сообщения из других городов страны о подобных случаях
 - Внутренний отчет МВД (возможно, обоим группам придется заплатить за эти сведения)
 - статистику, собранную разными правозащитными организациями за последние два месяца по превентивным арестам(эти материалы будут в специальной папке)

Итак, в сценке две возможные роли:

- Пострадавший
- эксперт Министерства внутренних дел

Дополнительные идеи и проблемы в монологе эксперта в предыдущей сценке.

Государственная необходимость, защита граждан превыше всего. Для этого отдельные граждане могут пострадать, давайте лучше перестраховемся.

То, что произошло с этими студентами и другими молодыми людьми, никакая не дискриминация по социальному признаку, национальному или религиозному признаку. Где здесь дискриминация? Вы понимает, что это такое?

И не унижение их человеческого достоинства. Докажите мне, в чем состояло унижение?

Штарккланд, сценка 4 (день 3, утро)

Частичный отказ от открытости и состязательности судебного процесса над обвиняемыми в террористических актах

Героиня сценки жена (брат) обвиняемого в совершении террористического акта, его судили специальным судом (и признали виновным), от него самого нет никаких вестей, жена получила официальное извещение о решении суда

Итак, в соответствии с указом Президента по борьбе с терроризмом:

- обвиняемого судили в специальном суде
- разбор дела проходил по упрощенной процедуре
- членами суда являлись не присяжные, а представители военных и полиции
- судебное заседание было закрытым
- у него не было возможности выбрать адвоката, не было предоставлено достаточного времени и условий для подготовки защиты, возможности постоянного общения с адвокатом
- общение между обвиняемым и адвокатом проходили под постоянным контролем полиции
- подсудимый не мог ознакомиться с имеющимися против него показаниями
- судьи могли опираться на тайные свидетельские показания, с которыми не знакомили обвиняемого и защиту

Примерный монолог

(можно менять стиль изложения, но нельзя менять содержание, все детали очень важны):

Меня зовут Эльза Леманн (Уве Леманн). Я очень прошу вас помочь мне, мне больше не к кому обратиться. Моего мужа, Эдгара Леманна, обвинили в подготовке теракта. Я, честное слово, не знаю, правда ли, что он в чем-то замешан. Я сама никогда не поверила бы в это, но я уже просто не знаю во что верить.

Его арестовали полтора месяца назад. Пришли с ордером к нам домой, вечером, мы пили чай, дети вернулись из школы... Его увели и больше, я его не видела. В просьбе о свидании мне отказали, сказали, что к нему пускают только адвоката. Когда я услышала об этом, об адвокате, я имею в виду, я даже обрадовалась – думала будет нормальный суд, я смогу прийти туда, наконец, увидеть Эдгара, послушать в чем именно его обвиняют. Но я никак не могла узнать, когда же будет судебное заседание.

И вдруг, три дня назад мне приходит официальный конверт, а в нем письмо. «Сим уведомляем, что такого-то числа состоялся суд над Эдгаром Леманном. Он признан виновным в террористической деятельности и подготовке нового теракта с использованием тротила» Что-то в этом роде. «Он приговаривается к 10 годам лишения свободы». Я бросилась в тюрьму. Спрашивала, как же так получилось, почему мне не сказали о дате суда. А мне ответили, что по указу Президента заседание было закрытым. Что это за указ, я не знаю. Неужели специально ради моего Эдгара он его издал?

Монолог окончен. Дальше играющие начнут задавать вопросы. Вот примерные вопросы и ответы.

Есть ли героини это письмо? – да, есть, она его отдает

Пыталась ли она узнать что об адвокате мужа? – да, после долгих просьб, ей дали его имя и телефон

Возможные действия играющих:

1. Обратиться к адвокату Эдгара Леманна, чтобы получить дополнительную информацию о деле. Тот соглашается встретиться и говорит примерно следующее: он возмущен тем как было организовано дело. Он государственный, бесплатный адвокат – обычно, сотрудники следствия и так относятся к нему с меньшим уважением, чем к платному адвокату, но в этот раз было что-то невероятное. Его почти не пускали к подзащитному. Все переговоры велись в присутствии полицейских, что просто возмутительно. Познакомиться с материалами дела ему дали лишь на очень короткий срок. И он уверен, что часть процедур, например, первый обыск его подзащитного, оформлены с ошибками. Его подзащитный выглядел очень подавленно, адвокату кажется, что на него оказывалось сильное давление, но в присутствии

полицейских Леманн ни о чем не сказал. Само следствие прошло очень быстро, слишком быстро для детального разбора дела и подготовки к судебному процессу. На самом процессе выяснилось, что часть показаний тайные, никто с ними ни обвиняемого, ни адвоката не знакомил. Что это за сведения, он так и не знает. Леманна признали виновным, а его адвоката осталось чувство горечи и бессилия – ничего с этим нельзя было сделать.

2. Проанализировать полученную информацию с точки зрения нарушения прав обвиняемого – для этого они берут Указ президента по борьбе с терроризмом, «Закон о полиции», Конституцию, «Пакт о гражданских и политических правах». Выявить, какие именно права задержанного нарушает новый указ.
3. Познакомиться с печатными материалами, ставящими проблемы, связанные с правосудием, состязательным процессом, судом присяжных и необходимостью отказаться от некоторых процедур в виду борьбы с терроризмом.
4. Продолжить оценивать ситуацию с точки зрения чрезвычайности и того, можно ли и почему пожертвовать какими-то правами.
5. **ПО ИХ ТРЕБОВАНИЮ**, и только когда играющие выявили нарушения, им можно предоставить:
 - Дополнительные сообщения из других городов страны о подобных случаях
 - Внутренний отчет МВД (возможно, обоим группам придется заплатить за эти сведения)
 - статистику, собранную разными правозащитных организациями за последние два месяца по осужденным специальными судами и жалобам адвокатов(эти материалы будут в специальной папке)

Итак, в сценке две возможные роли:

- Жена обвиняемого
- Его адвокат

Штаркланд, сценка 5 (день 3, после обеда)

Насилие при сборе сведений о совершенных или возможных преступлениях

Герой (героиня) сценки, тюремный врач, обнаруживает, что одного из заключенных пытали. Этот террорист, Хорст Шульц, заложил бомбу на Северном вокзале Нойштадта, позвонил по телефону в соседнее отделение полиции и потребовал, чтобы были освобождены его товарищи по организации. Полицейские вычислили уличный телефон и, поскольку, отделение было рядом, быстро подъехали и задержали Шульца. Под пыткой он дал информацию о том, где бомба, и ее обезвредили. О деле много писали в газетах, не упоминая, как была получена информация. С почтой играющие получают газеты, где описан этот случай, через некоторое время к ним приходит посетитель.

Итак, врач узнал, что:

- Обвиняемого побили при аресте
- Обвиняемого принудили к даче показаний с помощью пыток
- Условия его предварительного заключения очень суровы
- Информацию о его аресте не сообщили родственникам

Примерный монолог

(можно менять стиль изложения, но нельзя менять содержание, все детали очень важны, в этом монологе могут быть позже изменены медицинские детали):

Мое имя – Карин (Ганс) Штерр. Я работаю врачом в тюремном комплексе «Холмы». Я бы хотела сообщить Вам очень важную информацию, возможно конфиденциальную.

Вчера ко мне привели одного из наших заключенных, Хорста Шульца. Вы знаете, кто это? Тот самый молодой человек, что заложил бомбу на Северном Вокзале. Его тогда сразу арестовали, а бомбу обезвредили. Так вот, его привели ко мне, и он стал жаловаться на боли в левом боку и сильные головные боли. Я начала его осматривать и обнаружила, что почти весь покрыт уже довольно старыми, заживающими, синяками. Я спросила, в чем дело, но он ничего вразумительного не ответил.

В этот момент охранник вышел Шульц начал рассказывать мне, что его избили, когда арестовывали. И это синяки от того избиения. А потом на допросе били дубинкой по почкам и по голове, пока он все не рассказал.

Мне не нравится этот человек, я ни как не могу одобрить то, что сделал, хотя он говорил мне, что не собирался взрывать бомбу – хотел только, чтобы выпустили его друзей. Не уверена, что ему можно верить.

Но я в ужасе от того, что увидела – так с ним поступили не преступники, а наши сотрудники. У него отбиты почки, тяжелое сотрясение мозга, ему под ногти загоняли иглы.

Его держат в одиночке, в холодной камере, не выводят на прогулки, ему после всего этого требуется особое питание, но оно не предоставляется.

Да, и я спросила знают ли его родственники, где его содержат. Возможно, они смогут сделать ему передачу с определенными продуктами питания и лекарствами. Но он ничего об этом не знал и дал мне номер своего домашнего телефона. Вечером я позвонила по нему. Его мать не знала, где он – обо всей истории узнала только из газет, найти место, где его содержат она так и не смогла в МВД, ей не сообщили.

Я составила медицинское заключение, но я не знаю, что мне делать дальше и куда идти.

Монолог окончен. Дальше играющие начнут задавать вопросы. Вот примерные вопросы и ответы.

Есть ли у вас копия заключения? – да, есть

Возможные действия играющих:

1. Проанализировать ситуацию с точки зрения нарушения прав заключенного – для этого они берут «Закон о полиции», Конституцию и «Пакт о гражданских и политических правах».
2. Получить дополнительную информацию о случаях применения пыток к подозреваем в террористической деятельности.
3. Встретиться с экспертом Министерства внутренних дел, который говорит примерно следующее: пытки – это ужасно и незаконно, но у нас нет другого выхода, их надо узаконить и сделать подконтрольными полиции (см. реальное интервью ниже).
4. Продолжить оценивать ситуацию с точки зрения чрезвычайности и того, можно ли и почему пожертвовать какими-то правами.
5. **ПО ИХ ТРЕБОВАНИЮ**, и только когда играющие выявили нарушения, им можно предоставить:
 - Дополнительные сообщения из других городов страны о подобных случаях
 - Внутренний отчет МВД о борьбе с нарушениями
 - статистику, собранную разными правозащитных организациями за последние два месяца по жалобам на применение насилия и пыток

(эти материалы будут в специальной папке)

Итак, в сценке три возможные роли:

- тюремный врач
- эксперт Министерства внутренних дел

Террористы? Их нужно пытать! (Corriere Della Sera 03/02/2002)

Эта провокационная новость быстро облетела все интеллектуальные гостиные половины мира. Алан Дершовитц (Alan Dershowitz), светило Гарварда и прогрессист трибунала США, поощрительно относится к пыткам - практика, запрещенная конституцией США - как крайнему средству для предотвращения еще одного 11 сентября

- Сразу хочу уточнить, что мое предложение вытекает из внутреннего отвращения к пыткам: это тайное и нелегальное явление, которое, к сожалению, существует и которое, будучи не в состоянии искоренить, я бы хотел поставить на службу закону и демократии.

- Это не совпадение, что Ваше предложение появилось после 11 сентября?

- Честно говоря, я уже выдвигал его в своей книге "Shouting Fire", в 1989. Конечно, Усама бен Ладен придал актуальности моему предложению. Потому что перед бомбой, оснащенной часовым механизмом и готовой взорваться - то есть террористом, располагающим информацией, которая может спасти жизни тысячам невинных людей, - любая настоящая демократия может и должна сделать что-нибудь, чтобы предотвратить взрыв.

- Вам не кажется, что это шаг назад от цивилизации?

- Совсем нет. Моя цель - узаконить пытку, чтобы иметь возможность контролировать и останавливать ее. Сегодня пытки тайно и нелегально практикуются на всей планете, включая демократические страны, подписавшие международный договор о ее упразднении. ЦРУ по всему миру пустило леденящий душу учебник с самыми жестокими методами "вымогания информации", а комиссары полиции, от Калифорнии до Флориды, ежедневно применяют пытки за закрытыми дверями. Я считаю, что намного лучше было бы ввести ее в рамки закона, сделав видимой и прозрачной, то есть демократичной. За этим бы последовал непосредственный результат - сокращение ее использования. Примерно так, как произошло с абортom.

- Как и кто должен был бы применять пытки?

- Эта задача стояла бы перед судом, который подписывал бы соответствующее разрешение, в зависимости от случая. А в исполнение его приводила бы местная полиция, которая исторически привыкла пользоваться этим методом секретно. Это такая материя, решение о которой должно приходиться из высших кругов судебной власти и у всех на виду.

- В каких случаях?

- Только над террористами, которые соответствуют квалификации потенциальных информаторов "свыше всякого разумного подозрения". Пытать нужно только тех, кто владеет информацией, которая может предотвратить уничтожение людей. Кроме того, я предлагаю ввести "не смертельную" пытку, как, например, разряды тока или иглы под ногти, которые вызовут невыносимую боль, не подвергая опасности жизнь индивида.

- Некоторые говорят, что под пытками можно признаться в чем угодно. Как тот исламский террорист, которого пытали на Филиппинах и который признался, что он ответствен за теракт в Оклахоме.

- Риск существует. Нельзя считать слитком золота все то, что раздается изо рта пытаемого. Однако достаточно легко проверить, соответствуют ли его заявления истине. Необходимо привлечь компетентных специалистов по пыткам, которые умеют допрашивать террористов, загоняя их в ловушку вопросами. Нравится нам это или нет, но многие жизни удалось бы спасти именно таким образом.

- Ваше предложение вызвало сильную критику.

- Станным образом, люди больше всего протестуют против не смертельных пыток, даже те, которые одобряют смертную казнь. Это вопрос эстетики: они предпочитают видеть человека, возможно - невинного, лежащего на столе и накрытого белой простыней, чем слышать вопли террориста, чьи временные мучения могут спасти жизнь тысячи невинных.

- Вы одобрили бы пытки над заключенными в Гуантанамо?

- С какой стати? Нет никаких оснований предполагать, что те заключенные могут дать нам информацию, способную спасти человеческие жизни. Не хватает вышеупомянутого критерия "сверх всяких подозрений".

- А как же законы? Конституция? Международные соглашения?

- Конгресс должен был бы упразднить наше участие в международном соглашении против пыток, ратифицированное в 1984 и вступившее в силу в 1987. Это соглашение стало анахронизмом, так же, как и Женевская конвенция, которая не предусматривала этой новой болезни: терроризм, финансируемый государствами. Нужны новые конвенции и соглашения, чтобы переосмыслить изменившуюся после 11 сентября реальность.

- А Вы не думаете, что пытка противоречит правам человека?

- Разумеется. Но это настоящая дилемма: сделать выбор между нарушением человеческих прав виновного террориста и уничтожением человеческих прав тысячи мирных людей. Жизнь полна ужасных и трагических выборов.